

нижестоящих звеньев судебной системы возбуждают гражданские дела по искам о взыскании задолженности в привязке к определенной сумме в иностранной валюте. Наряду с этим существует вариативность в формулировании резолютивной части решений по такой категории споров. Так, некоторые суды указывают суммы, подлежащие взысканию, в белорусских рублях, определяя курс иностранной валюты на дату вынесения решения. В иных случаях присуждаются суммы в иностранной валюте с указанием на необходимость проведения расчетов по курсу иностранной валюты на дату исполнения решения суда. На наш взгляд, обозначенная проблема в подходах к составлению итогового судебного постановления заслуживает самостоятельного исследования.

Таким образом, на данном этапе нельзя утверждать, что судебная практика имеет единый подход к вопросу о возбуждении гражданских дел по спорам о взыскании сумм задолженности в привязке к валютному эквиваленту. С учетом существования нормы материального права, позволяющей субъектам гражданских правоотношений выражать обязательства в иностранной валюте, указанный вопрос должен быть разрешен положительно на уровне разъяснений высшей судебной инстанции либо путем включения соответствующих положений в новый Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Комаров, С. А. Общая теория государства и права: Учебник / С. А. Комаров. – 7-е изд., испр. и доп. – СПб. : Питер, 2008. – 512 с.
2. Архив Верховного Суда Республики Беларусь за 2021 г. – Дело № 1ИГИП21152.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕЖИМЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

С. С. Лосев

*Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь, ул. Берсона, 1а, 220030, г. Минск, Беларусь,
sergei_losev@list.ru*

Исследуются актуальные проблемы определения правового режима результатов деятельности систем искусственного интеллекта, идентичных

результатам интеллектуальной деятельности человека. Автор приходит к выводу о возможности охраны создаваемых искусственным интеллектом результатов, идентичных произведениям науки, литературы и искусства, в качестве самостоятельного объекта смежных прав с признанием ограниченного исключительного права на такие результаты за лицом, использовавшим систему искусственного интеллекта, а также отмечает как не имеющий однозначного решения вопрос о патентной охране технических решений, генерируемых искусственным интеллектом.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, исключительные права, системы искусственного интеллекта, объекты права интеллектуальной собственности.

Проблема применения систем искусственного интеллекта становится одной из наиболее обсуждаемой среди специалистов, занимающихся правом интеллектуальной собственности. Суть проблемы можно определить следующим образом: системы искусственного интеллекта (компьютерные программы, в которые заложен алгоритм самообучения) в состоянии создавать результаты, внешне не отличимые от результатов интеллектуальной деятельности человека. Это порождает вопросы о возможности признания таких результатов объектами интеллектуальной собственности, а в случае признания – вопросы авторства и принадлежности исключительного права на них. Также периодически возникает дискуссия о возможной правосубъектности самих систем (юнитов) искусственного интеллекта.

Безусловно, формат данной статьи не позволяет рассмотреть весь спектр вопросов, связанных с влиянием технологий искусственного интеллекта на право интеллектуальной собственности. Поэтому мы остановимся на наиболее значимых из них.

Американский правовед Тимоти Батлер еще в 1982 г. писал, что суды в случае установления факта создания произведения в результате деятельности не человека, а искусственного интеллекта, имеют в своем распоряжении несколько альтернативных путей решения проблемы: 1) полностью отказаться от наделения искусственного интеллекта авторскими правами; 2) наделить авторскими правами систему искусственного интеллекта либо распределить эти права между системой и человеком; 3) распределить авторские права между правообладателем базового программного обеспечения и владельцем компьютера; 4) создать вымышленного автора – человека и передать его авторские права

правообладателю базового программного обеспечения или владельцу компьютера [1].

По мнению экспертов можно говорить о том, что ведущие страны мира уже перешли к новому этапу формирования инновационного общества – построению экономики, базирующейся преимущественно на генерации и повсеместном использовании саморазвивающихся программ (искусственного интеллекта) [2, с. 321]. Соответственно, проблема определения правового режима результатов, порождаемых системами искусственного интеллекта, становится критически значимой, при этом она носит глобальный характер и активно обсуждается на международном уровне [3].

Основную проблему, связанную с искусственным интеллектом, можно определить следующим образом: результаты, создаваемые системами искусственного интеллекта, в настоящее время «выпадают» из сферы правового регулирования, поскольку отсутствие автора – физического лица, творческим трудом которого созданы эти результаты, как обязательного элемента, необходимого для предоставления правовой охраны результатам интеллектуальной деятельности, препятствует предоставлению правовой охраны результатам, создаваемым системой искусственного интеллекта, как результатам интеллектуальной деятельности [4, с. 9–10].

Сложность проблемы породило множество мнений о возможных путях ее решения. Как отмечает А. И. Балашова, «... палитра позиций ученых достаточно широка: от предложений признать искусственный интеллект новым объектом права или даже самостоятельным субъектом права, в связи с чем подчеркивается необходимость в силу специфичности данного объекта (субъекта) разработать качественно новое *sui generis* правовое регулирование, до утверждений о том, что все необходимые категории и правовые режимы уже имеются в существующем законодательстве, поэтому необходимость в дополнительном правовом регулировании искусственного интеллекта отсутствует» [5, с. 90]. Приведем мнения отдельных ученых.

По мнению В. Н. Синельниковой, полученные искусственным интеллектом результаты следует признавать охраняемыми объектами интеллектуальной собственности, на которые отсутствует право авторства; каждый такой объект должен иметь автоматически присваиваемый идентификационный номер, позволяющий, во-первых, определить каким искусственным интеллектом он создан, во-вторых, установить

разработчика саморазвивающейся программы, обладающего исключительным правом не только на эту программу, но и на объект, ею созданный [2, с. 327]. Этот же ученый в соавторстве с О. В. Ревинским исходит из того, что компьютерные программы или иные инновационные технологии являются лишь инструментом получения новых результатов, права на которые должны принадлежать разработчикам программ и (или) создателям соответствующего оборудования [6, с. 26].

Ю. С. Харитонова полагает, что результаты, созданные автономным искусственным интеллектом, не признаны сегодня в качестве объектов исключительных прав, но на них могут быть установлены иные субъективные (имущественные) права как на объекты, обладающие ценностью и участвующие в обороте [7, с. 52–64].

Е. П. Сесицкий предлагает включить результаты, созданные системами искусственного интеллекта, в перечень объектов гражданских прав в статусе «приравненных к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности» с признанием в отношении них исключительных прав без предоставления кому-либо права авторства и других личных неимущественных прав на них. При этом, по мнению данного исследователя, первоначальным обладателем исключительных прав на результаты, создаваемые системами искусственного интеллекта, следует определить собственника системы искусственного интеллекта либо ее арендатора (в случае предоставления системы во временное пользование) на момент создания результата [4, с. 10].

Как отмечает В. Б. Наумов применительно к сфере авторского права и смежных прав, в целом можно выделить несколько подходов к охране объектов, созданных искусственным интеллектом: 1) признание неохраняемым правом интеллектуальной собственности объектом; 2) признание произведениями, перешедшими в общественное достояние; 3) охрана в качестве информации; 4) охрана авторским правом / смежными правами [8, с. 535].

Уже есть примеры законодательных решений, согласно которым произведения, созданные искусственным интеллектом, приравниваются к произведениям, созданным человеком, и охраняются авторским правом. Например, в Законе Великобритании об авторском праве, дизайне и патентных правах 1988 г. предусматривается отдельная категория произведений, созданных с помощью компьютера; такие произведения генерируются компьютером и охраняются авторским правом, хотя ни один человек в данном случае не является непосредственным автором, а работа

возникает без непосредственного приложения усилий человеком. Законодательство Новой Зеландии также допускает теоретическую возможность охраны авторским правом произведений, созданных искусственным интеллектом; при этом автором такого произведения может потенциально считаться компания, которой принадлежит технология создания произведений [8, с. 535–536]. Альтернативной является модель, предложенная в Японии в Стратегической программе интеллектуальной собственности (*Intellectual Property Strategic Programme*), – она предполагает предоставлять авторско-правовую охрану только некоторым объектам, обладающим особой коммерческой ценностью.

По мнению В. Б. Наумова из уже существующих моделей охраны наиболее адекватной является охрана объектов, созданных искусственным интеллектом, в качестве объектов смежных прав. При таком подходе решается проблема соблюдения экономических интересов правообладателей, но охрана в целом остается ограниченной, поскольку объекты не приравниваются к полноценным произведениям в системе авторского права. Кроме того, такой подход позволяет выделить объекты, создаваемые искусственным интеллектом, в отдельную категорию [8, с. 535].

А. И. Балашова, анализируя проблематику охраны результатов деятельности искусственного интеллекта, тождественных понятию «произведение», также обращается к мировой законодательной практике по данному вопросу. Как отмечает данный автор, в юрисдикциях нескольких стран общего права – Новой Зеландии, Соединенном Королевстве, Ирландии, Гонконге, Южной Африке и Индии – установлен специальный режим для произведений, созданных программами для ЭВМ; при этом авторство на такие работы принадлежит лицу, которым приняты меры, необходимые для создания произведения, либо лицу, которое является инициатором создания такого произведения. Срок охраны таких произведений не привязывается к периоду жизни физического лица, как это принято в авторском праве.

В целом, по мнению зарубежных правоведов, признание авторства на созданное компьютером произведение – это юридическая фикция, которая отступает от общего правила об определении в качестве автора того, кто создал произведение [5, с. 95].

Применительно к российскому праву А. И. Балашова предлагает в качестве ближайшего аналога охраны результатов деятельности систем

искусственного интеллекта рассмотреть такой объект смежных прав, как фонограмму: исключительное право на фонограмму возникает у лица, взявшего на себя инициативу и ответственность за первую запись звуков исполнения или других звуков либо отображений этих звуков; при этом личность того, кто непосредственно произвел такую запись, не имеет значения. Не имеет принципиального значения и вопрос о праве собственности на звукозаписывающее оборудование, на котором произведена запись. Также следует отметить, что законодатель не предъявляет требования о наличии творческого вклада в создание фонограммы. С учетом названных обстоятельств А. И. Балашова приходит к выводу о том, что определение правообладателя фонограммы вполне коррелируется с определением инициатора создания компьютерно-сгенерированных произведений, а правовой режим фонограммы вполне применим для таких произведений [5, с. 96].

Рассматривая вопрос о возможности патентования изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, созданных искусственным интеллектом, по мнению А. И. Балашовой следует обратить внимание на специфику субъектного состава в патентных отношениях, – патентное право значительно в большей степени, чем авторское право, характеризуется несовпадением автора и правообладателя (патентообладателя) в одном лице.

В литературе и различных статистических источниках неоднократно отмечается, что более 80% изобретений во всем мире являются служебными. Перечень личных неимущественных прав авторов в патентном праве значительно уже такового в авторском праве. Сроки действия исключительных прав на патентуемые объекты не связаны с продолжительностью жизни авторов данных результатов интеллектуальной деятельности. Данные обстоятельства, по мнению А. И. Балашовой, дают основания полагать, что патентно-правовой режим охраны может быть распространен на результаты деятельности искусственного интеллекта, сопоставимые с объектами патентного права, при сохранении в качестве фигуры патентообладателя физического, юридического лица или публично-правового образования [5, с. 96–97].

30 июля 2021 г. Федеральным судом Австралии было принято первое в мире решение о признании искусственного интеллекта автором изобретения. Инженер Стивен Талер, специалист по искусственному интеллекту, заявил, что созданный им искусственный интеллект под названием DABUS (*Device for the Autonomous Bootstrapping of Unified*

Sentience – устройство автоматической самонастройки единого сознания) автономно генерирует патентоспособные изобретения, и подал заявки на выдачу патентов на созданные DABUS изобретения (аварийный маяк и контейнер для еды) в патентное ведомство Великобритании в рамках Договора о патентной кооперации (РСТ), указав в графе «автор изобретения» на искусственный интеллект. Получив решения об отказе в выдаче патентов, С. Талер обжаловал их в судебном порядке, однако это не принесло успеха ни в США, ни в Великобритании. В отличие от США и Великобритании, в Австралии нет законодательного определения понятия «изобретатель». С. Талер утверждал, что он может быть включен в категорию лиц, «получающих право собственности» от изобретателя.

Мотивируя свое решение, австралийский суд отметил следующее. Во-первых, система искусственного интеллекта может быть изобретателем для целей Закона. Изобретатель – это отглагольное существительное; действующим может быть человек или вещь, которая изобретает. Во-вторых, только физическое или юридическое лицо может быть владельцем, управляющим или патентообладателем. Это в полной мере относится и к изобретателю, который является человеком. Но было бы заблуждением утверждать, что изобретателем может быть только человек. Изобретателем может быть система искусственного интеллекта, но она не может быть владельцем, управляющим или патентообладателем патентоспособного изобретения» [130, с. 97]. Данное решение было в последующем отменено судом апелляционной инстанции, однако уже сам факт его вынесения стал знаковым, заставляющим задуматься о правовом режиме технических решений, генерируемых искусственным интеллектом, и формально соответствующих критериям патентоспособности.

Следует сказать о том, что данный вопрос на сегодняшний день не имеет четкого решения в правовой науке. По мнению П. К. Морхата возможны следующие решения в сфере патентно-правовой охраны изобретения, созданного при фактически и юридически существенном участии юнита искусственного интеллекта или созданного им автономно: 1) патентно-правовая охрана изобретения в общем порядке и на общих основаниях с персональным закреплением прав (возможный вариант – за владельцем компьютерной системы; 2) патентно-правовая охрана в общем порядке и на общих условиях, но более короткий срок; 3) патентно-правовая охрана такого изобретения с передачей полномочий по управлению правами на него специально создаваемому государственному

фонду; 4) гибридная модель, совмещающая указанные выше варианты [9, с. 24–25].

В заключение можно сделать вывод о том, что вопрос о правовом режиме результатов деятельности систем искусственного интеллекта, формально соответствующим требованиям охраноспособности в качестве объектов интеллектуальной собственности, как представляется, в настоящее время не имеет однозначного решения. Реальностью является то, что системы искусственного интеллекта в настоящее время способны создавать результаты, схожие с результатами творческой деятельности человека. Как следствие, происходит подрыв основ современного права интеллектуальной собственности, основывающегося на таких понятиях как «автор» и «творческая деятельность».

Результатам деятельности систем искусственного интеллекта, соответствующих понятию произведения науки, литературы или искусства, возможно предоставление охраны в качестве нового объекта смежных прав, в отношении которого не признаются личные неимущественные права (в первую очередь – право авторства). Тем самым будет обеспечен экономический интерес владельца компьютерной системы, создавшей такой результат, и при этом исключен конфликт с авторским правом на аналогичный результат, созданный творчеством человека.

Решение о правовом статусе технических решений, создаваемых системами искусственного интеллекта и соответствующих понятию изобретения, как представляется, пока не очевидно. Признание определенного технического решения изобретением по определению требует определения авторства.

В этой связи заслуживает внимания предложение включить результаты, созданные системами искусственного интеллекта, в перечень объектов гражданских прав в статусе «приравненных к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности» с признанием в отношении них исключительных прав без предоставления кому-либо права авторства и других личных неимущественных прав на них; при этом первоначальным обладателем исключительных прав на результаты, создаваемые системами искусственного интеллекта, следует определить собственника системы искусственного интеллекта либо ее арендатора (в случае предоставления системы во временное пользование) на момент создания результата [4, с. 10].

Список использованных источников

1. Butler T. L. Can a computer be an author – Copyright aspects of artificial intelligence // Hastings communications and entertainment law journal. – San Francisco, 1982. – Vol. 4, N 4. – P. 707–747. – Mode of access: https://repository.uchastings.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1097&context=hastings_comm_ent_law_journal – Date of access: 10.10.2022
2. Синельникова, В. Н. Правовой режим результатов интеллектуальной деятельности, созданных саморазвивающимися программами / В. Н. Синельникова // Пермский юридический альманах. – 2019. – № 2. – С. 320–328.
3. Дискуссия ВОИС по вопросам интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта [Электронный ресурс] / Всемирная организация интеллектуальной собственности. – Режим доступа: https://www.wipo.int/about-ip/ru/artificial_intelligence/conversation.html. – Дата доступа: 29.08.2022.
4. Сесицкий, Е. П. Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. П. Сесицкий ; Федеральное гос. бюджетное образоват. учреждение высшего образования «Российская государственная академия интеллектуальной собственности» (РГАИС). – М., 2019. – 27 с.
5. Балашова, А. И. Искусственный интеллект в авторском и патентном праве: объекты, субъектный состав правоотношений, сроки правовой охраны /А. И. Балашова // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2022. – № 2(36). – С. 90–98.
6. Синельникова, В. Н. Права на результаты искусственного интеллекта / В. Н. Синельникова, О. В. Ревинский // Копирайт: Вестник Российской академии интеллектуальной собственности и Российского авторского общества. – 2017. – № 4. – С. 17–27.
7. Харитонов, Ю. С. К вопросу об охраноспособности результата деятельности искусственного интеллекта / Ю. С. Харитонов // Право будущего: интеллектуальная собственность, инновации, Интернет. – 2018. – № 1. – С. 52–64.
8. Наумов, В. Б. К вопросу о правовом статусе «творчества» искусственного интеллекта / В. Б. Наумов, Е. В. Тытюк // Правоведение. – 2018. – Т. 63. – № 3. – С. 531–540.
9. Морхат, П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые

проблемы : автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук : 12.00.03 / П. М. Морхат ; Рос. гос. академия интеллектуальной собственности. – М., 2018. – 48 с.

СУБСТИТУТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО АГЕНТСКОМУ ДОГОВОРУ: ПЕРСПЕКТИВЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Ю. О. Лысаковская

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, ул. Московская, 17, 220089, г. Минск, Беларусь, julia.lysakovskaya@drc.by

Субститутивная ответственность возникает, когда одно лицо несет ответственность за деликт другого. Право признает данную ответственность объективной формой ответственности. Данный институт известен в национальном праве как субсидиарная ответственность, которая возникает в силу взаимосвязи между фактическим правонарушителем и лицом, которое несет субсидиарную ответственность. Автор ставит перед собой задачу определить, возникает ли субсидиарная ответственность между принципалом и агентом по агентскому договору в системе общего права, а также определить перспективы институализации субсидиарной ответственности принципала в белорусской правовой системе.

Ключевые слова: агентский договор, агентские отношения, субсидиарная ответственность, субститутивная ответственность, деликт, хозяйственный кодекс.

При всей своей популярности и распространенности тематика агентских правоотношений является относительно слабо изученной в национальной правовой науке. В силу нашего научного интереса к институту агентских правоотношений [1; 2], субсидиарная ответственность принципала за действия агента требует детального рассмотрения.

Вопросы возникновения ответственности принципала (или обязанности по возмещению вреда) за вред, причиненный третьему лицу деятельностью агента, впервые были поставлены англосаксонскими правоведами.

Доктрина субсидиарной ответственности лежит в основе деликтного права common law: представляет собой не правонарушение, а норму ответственности, которая возлагает на ответчика ответственность за